

Разговоры о важном

«Я говорю с тобой из Ленинграда»

Составитель:
Анкушева А.Б.,
педагог-библиотекарь

Цель: формирование у учащихся осознания исторического прошлого России.

Задачи:

1. Сформировать представление о роли Ленинграда в Великой Отечественной войне.
2. Воспитание гражданской ответственности, чувства достоинства, уважения к истории и культуре своей страны.
3. Воспитание чувства сострадания и гордости за стойкость своего народа в период блокады Ленинграда.
4. Расширить кругозор учащихся в рамках исторически значимых событий нашей страны.

Оборудование: мультимедийная презентация.

Аудитория: учащиеся 8-11-х классов общеобразовательных школ.

(слайд 1) Невозможно без слез и содрогания вспоминать о событиях Великой Отечественной войны, которые стали победной, героической и трагичной страницей истории нашего народа. Одним из таких событий явилась блокада Ленинграда, которая длилась долгих 900 дней смерти, голода, холода, бомбежек, отчаянья и мужества жителей Северной столицы.

Я не буду рассказывать вам о том, какие военные действия развернулись вокруг города на Неве, как сжималось кольцо, как было прорвано оно и организована «Дорога жизни».

(слайд 2) Сегодня я расскажу вам о блокаде Ленинграда глазами самих ленинградцев, это будет «взгляд изнутри». Мой рассказ будет основан на дневниковых записях и воспоминаниях людей, которые были непосредственными участниками этого страшного события - блокады города Ленинграда.

Далеко не все жители блокадного города имели возможность, да и желание, в суровых условиях войны и блокады вести свой дневник. Дошедшие до нас свидетельства представляют собой огромную ценность для понимания обстановки, чувств и мыслей защитников Ленинграда, для восстановления тех деталей событийного ряда, о которых невозможно узнать из документов официального характера.

(слайд 3) Дневников и воспоминаний, посвященных ленинградской блокаде, существует немало. В чем-то эти дневники похожи друг на друга, но, вместе с тем, каждый из них по-своему уникален. В них - блокада без подвигов и героизма, без идеологии. Блокада глазами самых простых людей, которые могли рассчитывать только на себя и своих родных. Людей, которые порой только чудом избежали смерти от голода, обстрелов и бомбежек.

Многие жители осажденного Ленинграда, которые прежде не записывали события своей жизни, именно во время блокады стали вести дневники. Объяснение довольно простое людям было необходимо выплеснуть все свои эмоции, чувства и переживания, но поделиться, в эти суровые времена можно было лишь с бумагой. Возможно, именно в такие времена люди понимают свою сопричастность к историческим событиям и начинают гораздо сильнее ощущать свою собственную значимость. А возможно, они просто не уверены, что останутся живы, и потому стараются хотя бы записями в дневнике оставить память о себе.

(слайд 4) Об этих дневниках знали только самые близкие родственники. Времена были такие, что за «лишнее» слово или просто за высказывание, которое могли истолковать как «упадническое» или «пораженческое», можно было получить большие неприятности. И нередко именно дневники, найденные сотрудниками Народного

комиссариата внутренних дел при обыске, служили затем важнейшим вещественным доказательством «антисоветской деятельности» автора. А некоторые из них даже стоили их авторам жизни.

Среди авторов дневниковых записей школьники, учителя, архитекторы, инженерно-технические работники и директора заводов. Много решал талант рассказчика. Лучше всего рассказывали женщины. Женская память устроена несколько иначе, чем мужская. Ведь мужская память - она глобальная какая-то: мужчин общие ситуации больше интересуют. А подробности быта, бытия, что творилось на малом участке - очередь, булочная, квартира, соседи, лестница, кладбище, - это память... женская. Она была более красочная и крепкая...

(слайд 5) Дневник Елены Скрябиной. Вот, что записала Скрябина на второй день войны: *«Бывшая домовладелица Анастасия Владимировна не скрывала своей ненависти к советской власти и видела в войне и победе немцев единственное спасение. Хотя я во многом разделяю ее взгляды, но в эту минуту ее улыбка меня безумно раздражала. Хочется верить, что несмотря ни на что, Россия не будет уничтожена, а в то же время осознаешь, что только эта война является реальной возможностью для освобождения от террористического режима»*. Первую блокадную зиму, самую страшную, Скрябина провела в блокадном Ленинграде. Вот строки из ее дневника:

«Пятница, 5 сентября 1941 г.

Вернулись в доисторическую эру: жизнь свелась к одному - к поискам пищи. Подсчитала свои продовольственные ресурсы. Выходит, что моих запасов еле-еле хватит на месяц. Может быть, позднее положение изменится. А на какую перемену надеюсь - сама не знаю. Теперь вплотную подходим к самому страшному голоду. Завтра собираемся с Любочкой Тарновской поехать за город менять папиросы и водку, полученные нами в ларьке на улице, напротив дома».

Среда, 8 октября 1941 г.

Буквально на глазах люди звереют. Кто бы подумал, что Ирина Левицкая, ещё недавно такая спокойная, красивая женщина, способна бить своего мужа, которого всегда обожала? И за что? За то, что он всё время хочет есть, никогда не может насытиться... ..почти все люди стали другими в результате голода, блокады, безвыходного положения.

Среда, 12 ноября 1941 г.

... на рынок не хожу: менять абсолютно нечего. То, что я могу предложить, не интересует покупателей. А рынки завалены прекрасными вещами: материи высокого качества, отрезы на костюмы и пальто, дорогие платья, меха. Только за подобные вещи

можно получить хлеб и постное масло. Уже не по слухам, а по достоверным источникам, то есть по сведениям из районов милиции, известно, что на рынке появилось много колбасы, холодца и тому подобного, изготовленного из человеческого мяса. Рассудок допускает даже эту страшную возможность: люди дошли до предела и способны на всё. Муж меня предупредил, чтобы я не пускала Юрочку на прогулки далеко от дома даже и с няней. Первыми начали исчезать дети».

(слайд 6) Сохранились и дневники школьных учителей. Одним из них является рукописный дневник учителя истории 10-й средней школы Свердловского района Ленинграда Александры Николаевны Мироновой.

Дневниковые записи охватывают период с 15 июня 1941 г. по 1 июля 1944 г. В конце дневника имеется автобиография автора строк: родилась в 1901 г. в Ярославской губернии, в 1926 г. поступила в трикотажную мастерскую, работала там до 1931 г., затем окончила рабочий факультет при институте им. А.И. Герцена. В 1934 г. поступила в институт им. А.И. Герцена на исторический факультет. С 1938 г. работала в 10-й школе Свердловского района учителем истории.

Из дневника учителя истории А.Н. Мироновой

25 октября 1941 г.

Взяла шить перчатки-варежки для фронта.

С 1 ноября назначена учителем в 6-ю школу, т.к. 14-я школа занята под госпиталь. Занимаюсь с ребятами 5-6-7 классов. Больше занимаемся в газоубежище. Прекрасные мальчики 7 класса – моя пожарная дружина. Ночуем часто в школе, хотя можно истопить кабинет директора, мальчики с большим удовольствием остаются.

6 ноября 1941 г.

Кроме того, кто остается, получали по стакану киселя или по тарелке супа, это очень привлекало мальчиков.

Вечер при коптилочке. Сидим я и 5 мальчиков. Всех их занимает один вопрос. Будет ли говорить тов. Сталин вечером сегодня или утром завтра. <...>

29 декабря 1941 г.

Дети ничем не интересуются, ничего не говорят. Кроме вопроса: «Скоро ли мы будем кушать?» – ничего не спрашивали. В 5 часов дня нашла мальчика в духовке в кухне, плакал, кричал, не хотел выходить, – здесь тепло.

В январе 1942 г.

Открыли детский дом на 17 линии, д. 4. Директор – Николаева М.Д. Я очень рада, это очень чуткий человек. 8 человек детей из 30 чел. Везем на санках, т.к. они не могут ходить сами. <...>

На страницах дневника нашла отражение обычная жизнь обычной учительницы, ставшая примером блокадного подвига. Мобилизация на рытье траншей, дежурство в госпитале, работа в школах № 6 и № 10. В декабре 1941 г. 6-я школа превратилась в пункт сосредоточения детей сирот. Александра Николаевна собирала осиротевших детей, заботилась о них. Награждена медалью «За оборону Ленинграда». В дневнике имеется запись от 22 июня 1943 г.: «Получаем медаль „За оборону Ленинграда“. <...> Этот день на всю жизнь останется у меня в памяти. Поздравление моих милых шалунов я никогда не забуду»

(слайд 7) Автором следующего дневника является еще один учитель истории, Ксения Владимировна Ползикова-Рубец. Родилась в 1889 г. До начала войны Ксения Владимировна работала учителем истории в 1-й Образцовой средней школе Октябрьского района Ленинграда и одновременно руководила работой со школьниками в Государственном Эрмитаже. Перед началом войны школа была перенумерована в 232-ю. В июне 1941 г. в здании школы был развернут военный госпиталь, часть учителей переведена в 239-ю школу. Наряду с занятиями со школьниками в блокадном городе, автор дневника заведовала учебной частью 239-й средней школы, в летние месяцы руководила трудовым летним лагерем школы, была донором.

Из дневника К. В. Ползиковой-Рубец

26 апреля 1942 г.

<...> Мне рассказывали, что умер один старик, он был до некоторой степени причастен к искусству. Среди его вещей нашли им сделанную медаль с надписью «Я жил в Ленинграде в 1942 г.». Быть может, после войны и следовало бы такую медаль дать всем ленинградцам.

И еще: я бы на каком-либо красивом месте в городе или в одном из парков поставила бы памятник всем тем, кто умер во время блокады, и на камне бы высекла цифру смертности. <...>

30 апреля 1942 г.

<...> Школа волнуется вопросом о детском питании. Я плохо еще разбираюсь в вопросах программы «повторительных классов». РОНО вызывает каждую минуту директора и сыплет экстренными заседаниями, как из рога изобилия. Фактически очень трудно работать. <...>

1 мая 1942 г.

Так устала вчера, так болели ноги, и так плохо спала предшествующую ночь благодаря уханью снарядов, что сегодня крепко спала, а, говорят, была сильная пальба. В 6 часов радио (а вчера засыпали под бой кремлевских курантов, теперь это так редко

слышно и так приятно). Слышу чью-то речь. По стилю – Сталин. Так оно и оказалось. В 7 часов прослушала ее хорошо. Стало бодрее. Замаячил конец войны.

До 9 часов лежу. День чудный, теплый, весенний. Как бы радовала такая погода в день демонстрации!

Одеваю осеннее пальто, шляпу – чувствую себя прежним прилично одетым человеком. <...>Все залито солнцем, красные флаги <...>. И с этой картиной веселого солнечного мая плохо вяжутся жуткие свидетельства бомбежек и обстрелов – разбитые дома. Каждый такой дом нас убеждает в том, насколько мы ежеминутно близки к смерти. <...>

Значительный интерес представляют детские дневники.

(слайд 8) Никогда не публиковался дневник Галины Зимницкой. В год сорокалетия Победы, в 1985 году, Галина Карловна обратилась в одну из ленинградских газет, но натолкнулась на странную стену отчуждения. «Теперь так много стало воспоминаний о блокаде, - заявили ей, - что у нас есть гораздо более интересные дневники, чем ваш». В этом дневнике все 900 дней осады представлены глазами простой девочки-подростка. Спустя два месяца после начала войны ей исполнилось 14 лет. Война заставила ее рано повзрослеть и, конечно, она не хотела оставаться в стороне от «взрослой» жизни. Поначалу все напоминало игру, поскольку война была где-то далеко, а город жил хоть и не прежней, но еще довольно мирной жизнью. На третий день войны, 25 июня, готовили чердак к противопожарной обороне. «После работы захотелось выкупаться, смыть пот. Лежим на пляже в Озерках. Солнце печет, небо ярко-голубое». Но война и тут напоминает и себе: безмятежный зной прерывает сирена воздушной тревоги. «Я смотрю на небо: все спокойно, чисто. Вдруг на пляже появляется милиционер и загоняет всех в кусты и под деревья. Для чего? Нам кажется, что это лишнее. Нет никаких самолетов». Но вскоре оказывается, что вовсе не лишнее. Запись от 6 августа 1941 года: «Участились тревоги. Город меняет свое лицо. Заложили мешками с песком витрины магазинов». «С каждым днем мне все труднее писать дневник, - записала Галя 15 августа. - Неужели брошу? Правда, эти дни проходят однообразно, без особых событий. Если заглянуть в наши души, то, наверняка, все хотят испытать хоть чуть-чуть боевой обстановки (бомбежки) и попробовать свое умение на раненых. Хотя это глупо». «С продуктами стало совсем плохо, - читаем 9 сентября 1941 года. - Еда очень скудная и однообразная, а аппетит увеличивается с каждым днем». В дневниковых записях - голод и постоянные обстрелы. С крыши родного дома на Сердобольской улице, самого высокого в округе, было видно далеко. Видно все - и гибель людей под бомбежкой в парке Лесотехнической академии, и предательские сигнальные ракеты, которые неизвестный враг посылает где-то совсем

рядом. Смерть становилась повседневной, но к ней все равно невозможно было привыкнуть. И среди этого царства смерти - упорная вера, что эти ужасы рано или поздно кончатся. «10 октября 1941 года. На днях мы с мамой зашли в Выборгский универмаг посмотреть, что там есть. Увидели купальные костюмы из черного сатина с голубой отделкой и с кокетливыми резиночками на боках трусиков и на лифчике. Купили себе по купальнику. Продавщица смотрела на нас с мамой, как на чокнутых или знающих великую тайну конца войны. Нет, ничего мы не знаем, просто хотим дожить до мирных дней». Самые пронзительные по своей трагичности записи посвящены первой блокадной зиме. «Голод сосет днем и ночью». Мысли только о том, как бы выжить в этих нечеловеческих условиях. Мать меняет на «черном рынке» вещи на хлеб. «Господи, - восклицает бабушка, - ведь это же ворованный хлеб! За такое сейчас расстрел, и ты пойдешь, как сообщница». «Понимаю, - с отчаянием отвечает мать. - Но я не могу видеть, как мы все приближаемся к смерти. Как же нам иначе выжить?» Запись от 11 декабря 1941 года: «Днем в булочной видела ужасную сцену. Мальчишка лет десяти выхватил у старушки пайку хлеба и сразу начал есть. Женщины бросились отнимать, а он лег на пол, лицом вниз, и, не обращая внимания на обрушившиеся удары, доел хлеб на грязном полу. Самое ужасное в том, что никто не заступился за ребенка. Полежав немного, воришка встал, вытер рукавом слезы и кровь и ушел грязный, оборванный, совсем одинокий. Сейчас мне его жалко до боли в сердце. Где же я была тогда? Стояла, смотрела и молчала». По направлению к Шуваловскому кладбищу, через Поклонную гору, жители возят на саночках гробы или зашитые в простыню трупы, «похожие на куколки какого-то огромного насекомого». На самом кладбище хоронить их просто некому; незахороненные покойники лежат за оградой и на дорожках... И еще одна страшная картинка из той зимы. «26 декабря 1941 года. ...По дороге домой мы видели на снегу мертвую молодую женщину. Она лежала на проезжей части Лесного проспекта, видимо, упала с воза, когда сани с покойниками накренились на ухабе. Сначала нам показалось, что это лежит манекен из разбитой витрины магазина - так красива была эта женщина. На ней было темное легкое платье с глубоким вырезом. Красивые смуглые руки были сложены на груди, как у певицы. Великолепные темные волосы разметались по грязному снегу. Удивляло ее прелестное, не исхудавшее, чуть скуластое лицо с густыми ресницами. Мы с мамой стояли и смотрели с большой жалостью на эту погибшую красоту, а мимо шли люди и никто не останавливался...» И посреди всего этого блокадного ада - возглас: «Господи, когда все это кончится?». Когда, наконец, ушла в прошлое та жуткая первая блокадная зима, казалось, что страшнее ее уже быть ничего не может, что теперь самое страшное уже позади. Вокруг продолжает множиться смерть, но жизнь все равно берет свое. Впереди - юность, впереди

- первая любовь. И мысли - не только о войне. «20 октября 1942 года. Хочу пойти в Лесотехническую академию на танцы, а что надеть? Из своих прежних платьев я давно выросла». Выручила подружка, предложила свой наряд. «Я оделась и посмотрела в зеркало. Да! Я уже девушка. Сколько ни будет у меня потом в жизни платьев, это первое взрослое платье не забуду никогда». Проходит еще один блокадный год. В нем много всего - служба в противопожарном полку, поступление в школу ФЗО. И хотя смерть от жестоких обстрелов подстерегает еще на каждом шагу, по всему чувствуется, что конец блокады уже близок. «3 октября 1943 года. Наступление наших войск теперь не остановить до самого Берлина! Все так говорят. Настроение хорошее, приподнятое. Часто захожу в парикмахерскую на Литейном, делаю завивку щипцами». Мечты о том, что нужны модельные туфли. Нельзя же все время танцевать в чужих! Чтобы купить на «черном рынке» красивые туфельки (в магазинах их нет), приходится продать швейную машинку. Поездки на танцы и поход в кино - под обстрелами. Какой неестественной кажется теперь смерть, когда в душе царит любовь. И встреча нового, 1944 года, в кругу «кавалеров»... Запись от 3 января 1944 года гласила: «До чего изнуряют эти обстрелы, как это все осточертело! Ведь жизнь наладилась, трамваи ходят, электричество горит, работают кинотеатры. Но обстрелы порой напрочь перечеркивают все планы, а иногда и жизнь. Как с этим примириться?» Пережить всю блокаду – и едва не погибнуть во время артобстрела в самом начале января 1944 года, всего за несколько недель до «ленинградской победы»!.. И, наконец, 27 января 1944 года. «Могучий голос Левитана: „Сообщение Совинформбюро. Полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады!“ оно, такое долгожданное и радостное известие. Вечером будет салют! Нет, не могу писать, плачу от счастья». И запись следующего дня: «Салют был грандиозный. Когда раздавался очередной залп, у меня мурашки бежали по спине, так это было торжественно и красиво. Народа было - сколько хватало глаз, многие плакали»...

(слайд 9) Рукописный дневник Елены Владимировны Мухиной, ученицы ленинградской школы № 30. Дневниковые записи начинаются за месяц до начала войны и охватывают период с 22 мая 1941 г. по 25 мая 1942 г. Лена Мухина родилась в 1924 г. в Уфе, с начала 1930-х гг. проживала в Ленинграде. В первый блокадный год потеряла приемную мать, которая умерла в феврале 1942 г., осталась одна. В начале июня 1942 г. – эвакуирована из города.

«11 сентября 1941 г.

Я совсем уже измучилась. 5-ая тревога продолжалась час с четвертью. Не прошло и 5-ти минут, как снова В.Т. Уже 6-ая. Я теперь не раздеваю пальто. Грохочут раскаты дальнобойного орудия.

Настали тяжелые дни. И вот в эти-то дни как я горда, что я ленинградец. На нас смотрит весь дружественный нам мир. За нами следит вся страна. К нам на помощь, на помощь ленинградцам, готовы прийти тысячи и миллионы советских граждан.

Впереди еще столько трудностей, лишений, борьбы! Но немецкий сапог не вступит на наши улицы. Только когда умрет последний ленинградец, враг вступит в наш город. Но ведь и враг не бесчислен. Наши нервы напряжены, нервы врага тоже. Враг раньше нас обессилит. Так должно быть, и так будет.

Как приятно слышать, когда горнист играет отбой. Ведь этот звук трубы да «Интернационал» в 11 часов – это и вся «музыка», которую мы слышим. Давно уже по радио не слышно ни песни, ни музыки. Только последние известия, передача для молодежи (вместо хроники) и изредка передача для старших школьников.

А все больше разные подбадривающие внушительные статьи. Смысл все один и тот же: «Впереди тяжелые испытания и жертвы, но победа будет за нами. Мы не одни. С нами вся страна, с нами весь цивилизованный мир. Все следят за нами, все уверены в нашей победе. Ленинградец, собери все свои силы. Не позволяй запятнать славное имя нашего города.

*Рвутся фугасы, трясется земля.
Зарево красное, словно заря.
Злился, гадюка, бесись, но не взять,
Город родной мой тебе не отнять.*

*Вражья ракета встревожила тьму.
Мы за все это отплатим ему.
Земли советские кровь залила.
Гитлер за это заплатит сполна.*

*Рушатся здания, стекла звенят.
Летчики с свастикой город бомбят.
Наших зениток снаряды поют.
Сбросив свой груз, фашисты бегут.*

*Утра рассвет над домами стоял.
Раненый город тревожно молчит.
Трудятся люди, сил не жалея,
Чтоб его раны закрыть поскорее.*

*Город, тебя разрушает бандит.
Злобою лютой к тебе он горит.
Но не увидет врагу никогда
Улиц широких, прямых как стрела.*

*Город, носящий имя вождя,
Город великий, творенье Петра.
Все как один желаньем горят,
Чтобы тебя отстоять, Ленинград.»*

Строки дневника сохранили для нас не только факты, но и самые важные мечтания, надежды ленинградской школьницы блокадного города.

16 ноября 1941 г.

<...> 150 грамм хлеба нам явно не хватает. Ака утром покупает себе и мне хлеба, и я до школы почти все съедаю и целый день сижу без хлеба. Прямо не знаю, как и быть, может быть, лучше поступать так: через день в школьной столовой брать второе на 50 грамм по крупяной карточке и в тот же день хлеба не брать, а в другой день питаться 300 граммами хлеба. Надо будет попробовать. А вообще, самочувствие неважное. Все время внутри чего-то сосет. Скоро, 21-ого этого месяца, у меня день рождения, мне исполнится 17 лет. Как-нибудь отпраздную, хорошо, что это первый день третьей декады, так что конфеты будут обязательно. Как хочется поесть.

Когда после войны опять наступит равновесие и можно будет все купить, я куплю кило черного хлеба, кило пряников, пол-литра хлопкового масла. Раскрошу хлеб и пряники, оболью обильно маслом и хорошенько все это разотру и перемешаю, потом возьму столовую ложку и буду наслаждаться, наемся до отвала. Потом мы с мамой напедем разных пирожков, с мясом, с картошкой, с капустой, с тертой морковью. И потом мы с мамой нажарим картошки и будем кушать румяную, шипящую картошку прямо с огня. И мы будем кушать ушки со сметаной и пельмени, и макароны с томатом и с жареным луком, и горячий белый, с хрустящей корочкой батон, намазанный сливочным маслом, с колбасой или сыром, причем обязательно большой кусок колбасы, чтобы зубы так и утопали во всем этом при откусывании. <...> Боже мой, мы так будем кушать, что самим станет страшно. <...>»

(слайд 10) Блокадный дневник Елены Мухиной был издан в книгу «Сохрани мою печальную историю...».

(слайд 11) Блокада Ленинграда нашла отражение и в дневнике ученицы 8 класса 221-й средней школы Куйбышевского района Ленинграда Майи Бубновой.

Записи охватывают период с 1 октября 1941 г. по 10 сентября 1943 г. Строки, записанные Майей, освещают тяжелые месяцы блокады, переживаемые школьницей, рассказывают о трудностях быта, питании, о перебоях в снабжении водой, хлебом, о любви к своему городу. Ярko, эмоционально, часто весьма подробно.

25 декабря 1941 г.

Какое счастье! Прибавили хлеба. Вместо 125 г в день, теперь получаем 200 г. Как поднялось настроение, прямо люди воспрянули. А то жутко становилось: кругом один за другим умирали, а рядом – кандидаты туда же.

Последние силы напрягаешь, чтобы не скапуться. И вот радость! Радость! Теперь хоть понемножку будут вливать в нас жизнь. <...>

27 января 1942 г.

Все прелести к вашим услугам! За водой ходим к дыре на мостовой против Пассажа. Там, видимо, пожарный колодец, что ли, - и черпаешь ковшиком, да еще сначала в очереди постоишь, а потом еле отдерешь вмерзшие ноги. Пока несешь воду домой, она и замерзнет. На хлебозаводы подачи воды нет, и хлеб полностью не выпекают. Воду хлебозаводы достают с большим трудом. В результате мы сегодня будем без куска хлеба, а другие – со вчерашнего дня. В нашей булочной вторые сутки хлеба нет. Мы доварили последнюю муку. Выпили кофе и спать.

(слайд 12) На всю страну известен лишь дневник Тани Савичевой, который содержит девять страшных строк. Каждая посвящена смерти одного из близких.

«Женя умерла 25 декабря в 12.30 утра 1941 г.

Бабушка умерла 25 января в 3 часа дня 1942 г.

Лека умер 17 марта в 5 часов утра 1942 г.

Дядя...

Мама...

Савичевы умерли все.

Осталась одна Таня».

(слайд 14) Но есть еще один блокадный дневник. Дневник другой ленинградской школьницы, Тани Вассоевич. Они обе жили на Васильевском острове. Таня Савичева сначала ослепла, потом сошла с ума от пережитого и умерла в эвакуации. Скупые строки её дневника стали обвинительным документом на Нюрнбергском процессе. Таня Вассоевич выжила и ушла из жизни — в январе 2012 г.

Дневники двух Тань — как две стороны медали. Тёмная сторона — трагическая смерть, светлая — победа выживших.

Дневник Тани Вассоевич хранится в доме её сына, профессора Санкт-Петербургского государственного университета Андрея Вассоевича. Таня начала делать записи 22 июня 1941 г. Здесь и первые бомбардировки Ленинграда, и 18 июля 1941 г., когда кольцо вокруг города ещё не сомкнулось, но уже были введены карточки на продукты. В сентябре — первое занятие в художественной школе, которое не состоялось: «Наш преподаватель, сложив мольберт, сказал, что идёт добровольцем на фронт». Занятия в средней школе начались в ноябре: «Наш класс был почти в полном составе» (потом в классе их останется двое мальчиков и девять девочек из сорока). Таня описывает бесконечное стояние в очередях за порцией хлеба, которая для детей и неработающих за несколько месяцев ужалась с 400 г в день до 125. Они варили столярный клей и ели его.

Как великое счастье Таня описывает случай, когда они стояли в очереди за продуктами вместе с одноклассником и им досталась дуранда (спрессованная плитка из шелухи подсолнуха). Для покупки продуктов по карточкам были нужны деньги, а в их семье средств катастрофически не хватало. И старший брат, вместо того чтобы съесть свою порцию хлеба, продавал её на рынке, а деньги отдавал маме, чтобы она могла отovarить новые карточки. Он делал это, пока мама не догадалась и не запретила так поступать.

Старший брат девочки, 15-летний Володя, умер от голода 23 января 1942 г. в 6.28 — записано в дневнике. А Таниной мамы, Ксении Платоновны, не стало 17 февраля 1942 г. в 11.45. «Той зимой в городе умирало более 4 тысяч человек в день. Трупы собирали и хоронили в братских могилах. На Пискарёвском кладбище в братских могилах похоронено более полумиллиона человек, — говорит профессор Вассоевич. — Таня, будучи 13-летней девочкой, на оставшиеся деньги купила для брата гроб. Её мама этим заниматься уже не могла, она от слабости не вставала». Смоленское кладбище города было закрыто, там не принимали покойников, однако Таня уговорила сторожа вырыть могилы. Из дневника: «На похоронах брата была тётя Люся, я и Толя Таквелин — Вовин лучший друг и одноклассник. Толя плакал — это растрогало меня больше всего. На похоронах мамы была я и Люся. Вова и мама похоронены в настоящих гробах, которые я покупала на Среднем проспекте у второй линии. Худяков (сторож на кладбище) вырыл могилы за крупу и хлеб. Он хороший и был добр ко мне».

(слайд 15) Когда умерла Танина мама, её тело лежало в квартире 9 дней, прежде чем девочка смогла организовать новые похороны. В дневнике она нарисовала план участка (см. рисунок Тани) и отметила места захоронения близких в надежде, что, если

выживет, обязательно установит на могилах памятники. Так и произошло. На рисунке с кладбищем Таня, обозначая даты смерти брата и мамы и их похороны, использовала придуманный ею шифр: она понимала, что родственников на закрытом Смоленском кладбище похоронила полулегально. Лишь потому, что сторож Худяков был тронут её детской заботой и пошёл навстречу просьбе ребёнка. Измождённый не меньше других, он рыл могилы в почти сорокаградусный мороз, подкрепившись кусочком хлеба, который Таня получила по карточке умершего брата. Потом она рассказывала сыну, профессору Андрею Вассоевичу, что по-настоящему страшно ей стало, когда она оформляла свидетельство о смерти брата: «Регистратор в поликлинике достала карточку Вассоевича Владимира Николаевича и крупным почерком написала слово «умер».

Весной 1942 г. Таню эвакуировали из Ленинграда. Несколько недель на разных эшелонах она добиралась до Алма-Аты, храня как зеницу ока дневник и фотографии близких. В эвакуации Таня, наконец, встретилась с отцом — известным геологом-нефтяником. Когда сомкнулось блокадное кольцо, он был в командировке и оказался оторванным от семьи. Оба после войны вернулись в Ленинград. В родном городе Таня сразу же пошла к лучшему другу своего покойного брата, Толе, тому самому, что плакал на похоронах. От его мамы она узнала, что юноша умер вскоре после её брата. Таня пыталась найти ещё четырёх друзей Володи — все они умерли в блокаду. Татьяна Николаевна много лет своей жизни посвятила преподаванию детям живописи. И всегда говорила им: «Ведите дневник, потому что дневник — это история!

Ленинград не был стёрт с лица земли. Можем ли мы сегодня сказать то же самое о нашей памяти о войне? Не стирается ли она в нашем сердце? Горько, что 95 страниц дневника 13-летней школьницы-блокадницы не изданы. Из него современные подростки могли бы узнать о войне больше, чем из некоторых учебников и современных фильмов.

(слайд 16) Дневник Татьяны Вассоевич был издан её сыном Андреем Леонидовичем. Он так и называется «Военный дневник Тани Вассоевич».

Во время Блокады голодающие ленинградцы были вынуждены есть домашних и уличных животных, в основном, собак и кошек. Однако иногда именно домашние питомцы становились главными кормильцами целых семей. Например, существует история про кота Ваську:

(слайд 17) «Моя бабушка всегда говорила, что тяжёлую блокаду и голод и я моя мама, а я её дочь, пережила только благодаря нашему коту Ваське. Если бы не этот рыжий хулиган, мы с дочерью умерли бы с голоду как многие другие.

Каждый день Васька уходил на охоту и притаскивал мышек или даже большую жирную крысу. Мышек бабушка потрошила и варила из них похлебку. А из крыски получался неплохой гуляш.

При этом кот сидел всегда рядом и ждал еду, а ночью все трое лежали под одним одеялом и он согревал их своим теплом.

Бомбежку он чувствовал намного раньше, чем объявляли воздушную тревогу, начинал крутиться и жалобно мяукать, бабушка успевала собрать вещи, воду, маму, кота и выбежать из дома. Когда бежали в убежище, его как члена семьи тащили с собой и смотрели, как бы его не унесли и не съели.

Голод был страшный. Васька был голодный, как все и тощий. Всю зиму до весны бабушка собирала крошки для птиц, а с весны выходили с котом на охоту. Бабушка сыпала крошки и сидели с Васькой в засаде, его прыжок всегда был на удивление точным и быстрым. Васька голодал вместе с нами и сил у него было недостаточно, что бы удержать птицу. Он хватал птицу, а из кустов выбегала бабушка и помогала ему. Так что с весны до осени ели еще и птиц.

Когда сняли блокаду и появилось побольше еды, и даже потом после войны бабушка коту всегда отдавала самый лучший кусочек. Гладила его ласково, приговаривая – кормилец ты наш.

Умер Васька в 1949 году, бабушка его похоронила на кладбище, и, что бы, могилку не затоптали, поставила крестик и написала Василий Бугров. Потом рядом с котиком мама положила и бабушку, а потом там я похоронила и свою маму. Так и лежат все трое за одной оградкой, как когда-то в войну под одним одеялом».

(слайд 18) Это лишь малая доля дневниковых записей. Многие из воспоминаний переданы в архивы, многие изданы в книги. На первом месте, конечно, - «Блокадная книга» Даниила Гранина и Алеся Адамовича. «АиФ» выпустил уникальную книгу, в которой собраны дневники детей, оказавшихся в гетто и концлагерях, блокадном Ленинграде, в оккупации и на линии фронта. Я советую вам их прочесть.

(слайд 19) Кроме этого издано много книг о блокаде Ленинграда именно для школьников. Это: Г. Черкашин «Кукла», Ю. Герман «Вот как это было», Э. Фонякова «Хлеб той зимы», Л. Пожедаева «Война, блокада, я и другие», М. Сухачев «Дети блокады» и многие другие.

Большое спасибо за внимание!

Используемые источники:

1. А.Адамович. Д. Гранин. Блокадная книга. М.Эксмо.2014

2. Лидия Гинзбург Проходящие характеры. Проза военных лет. Записки блокадного человека. М. 2014

3.«Сохрани мою печальную историю... Блокадный дневник Лены Мухиной» М. 2013